



II. HISTORIANS

UDC 94

“WE USED TO BE THE STRANGE STUDENTS OF THE STRANGE DEPARTMENTS”: Review of O.L. Ryabchenko’s Monograph “Students of Soviet Ukraine of 1920-1930s: Daily Life and Identification Conflicts. Kharkov”: Kharkov National Academy of Municipal Services, 2012. 456 p. ISBN 978-966-695-238-0 (Ukrainian language)

Aleksandr Yu. Rozhkov

Kuban State University, Russia
Dr. (History), Professor

Введение. Ольга Леонидовна Рябченко хорошо известна сообществу украинских и российских (и не только) историков, занимающихся исследованиями повседневной жизни советского студенчества первой половины XX века. Научная общественность знакома с её интересными и глубокими по содержанию публикациями в исторических журналах и сборниках научных трудов, докладах на международных конференциях [1]. Сравнительно недавно вышедшая в свет монография О.Л. Рябченко о студентах советской Украины была с нетерпением ожидаема специалистами, в том числе и автором этих строк.

Прежде всего, с чувством глубокого удовлетворения должен признать, что Ольга Рябченко своим исследованием в какой-то мере реализовала мои давнишние мечты предметно изучить мир студентов в раннем советском обществе, выходя за рамки ранее избранного мною ракурса рассмотрения студентов как одной из групп молодежи. Несмотря на то, что она не первопроходец в исследовании студенческого образа жизни, повседневности и идентичности (достаточно упомянуть работы А. Маркова, Е. Постникова, А. Квакина, Е. Платовой, О. Лаврут, В. Прилуцкого и др. [2]), книга О.Л. Рябченко занимает в этом ряду свое достойное место, прежде всего, как комплексный труд по изучению одного из наиболее интересных и своеобразных студенческих «отрядов» - украинского студенчества. Именно региональный взгляд на студенчество сквозь призму «советскости» культурного, социального и политического контекста вызывает априорный интерес и соответствующие ожидания в отношении этой книги. Кроме того, здесь описывается студенчество не только 1920-х, но и 1930-х гг., которое до сих пор практически не изведено.

Автор монографии подходит к ретроспективному изучению украинских студентов «как субъектов социально-экономических преобразований советской власти и процесса социальной стратификации социума» (с. 6). В этом коренное отличие данного исследования от господствующего тренда в советской историографии – видеть в студентах 1920–1930-х гг.

исключительно объект истории, объект воздействия государственно-партийной идеологии, объект формовки новой советской интеллигенции через «завоевание» высшей школы.

По мнению О.Л. Рябченко, «процессы идентификации и самоидентификации как регуляторы и одновременно катализаторы разных сторон обиходности», чрезвычайно выразительно проявляются именно в среде студенческой молодежи, поскольку сама эта среда является «наиболее мобильной, достаточно чувствительной к всевозможным изменениям и вторжениям в их самобытный мир». Студенчество 1920-1930-х гг. интересует украинского историка «в повседневном срезе его бытия», куда автор относит «поиски идейных и ценностных ориентиров на перекрестке разносторонних силовых линий общественного существования, попытки приспособления к советской действительности с наименьшей ущербностью для собственных душевных стремлений, попытки скрыть и тем самым сохранить свое собственное “Я”».

О.Л. Рябченко выражает свою убежденность в том, что устоявшиеся в студенческие годы социально-политические взгляды и мировоззренческие установки, избранные ориентиры социальной идентичности молодых людей «в большой мере определили в будущем ментальные особенности советской эпохи» (с. 6). С этим трудно спорить. Путевка в вуз для многих юношей и девушек действительно стала путевкой в жизнь. Многие из студентов 1920-30-х гг. впоследствии становились партийными выдвиженцами, новой советской элитой. Поэтому понять их психологию и образ жизни – значит существенно приблизиться к пониманию ментальных особенностей советского человека.

Автор не скрывает, что познание студента в системе тех ценностных координат, которая сформировала советская эпоха 1920-30-х гг. – задача не из легких. И в этом признании нет скрытого кокетства на случай исследовательской неудачи. Стоит согласиться с автором в том, что «объективно изобразить трудно даже самих себя и своих современников, а те времена уже едва просматриваются сквозь мрак десятилетий, к тому же над исследователями тяготеют стереотипы восприятия, зафиксированные официальной историографией и идеализация послереволюционной эпохи многочисленными сторонниками» (с. 12).

Для освещения поставленной проблемы О.Л. Рябченко привлечены значительные массивы документов, хранящихся как в украинских, так и российских архивах. История высшей школы, по сравнению с другими социальными институтами и сферами жизнедеятельности, в целом хорошо представлена документально. Автором использованы документы 16 хранилищ: 7 центральных архивов Украины и России, 5 региональных архивов Украины и России, а также 4 музеев высших учебных заведений Украины (при этом в списке источников на с. 382-383 почему-то указаны только 9 архивов и 1 музей).

Приоритетными источниками для данного исследования правомерно стали эго-документы – письма студентов (личные и «к власти»), воспоминания (преобладают написанные в эмиграции или после краха советской системы), синхронные дневники (автор указывает на их редкость), анкеты, автобиографии, а также официальные документы (комплексы следственных дел арестованных студентов, оперативные документы, специальные сводки органов ГПУ-НКВД и др.). Изучению практик повседневного поведения студентов способствовали фольклорные произведения, газетная и журнальная публицистика, художественная литература (реалистические произведения, новеллистика, интеллектуальный роман), использованные автором. Подавляющее большинство эго-документов вводится автором в научный оборот впервые. Опубликование или введение в научный оборот значительной части официальных документов другими исследователями не снижает степени их информативности при исследовании проблем повседневности студентов 1920-1930-х гг.

Книга о студентах раннесоветской Украины состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка условных сокращений и аббревиатур, списка иллюстраций и именного указателя.

В первом разделе, состоящем из трех параграфов, автор рассматривает студентов как объект и субъект социальной и культурной политики большевиков. Из обширного фактуального материала, собранного Ольгой Рябченко, перед нами предстает калейдоскоп образов жертв политики пролетаризации вузов и тех счастливых из «трудового элемента», которым советская власть проложила дорогу в «светлое будущее». Несмотря на

титанические усилия власти по пролетаризации высшей школы, в конце 20-х – начале 30-х гг. в вузах обучался очень пестрый социальный состав студентов. Вместе с тем проведение этой классовой линии дорого обошлось не только для высшей школы, но и для всего общества, поскольку утратились традиции преемственности высшего образования, сложившиеся до 1917 г.

Особого внимания в первом разделе заслуживает параграф о конструировании студентами «пролетарской» идентичности. Автор показывает, как большевистский проект стал генератором социальной мимикрии. Студентам приходилось постоянно доказывать свою лояльность режиму, для чего было очень важно иметь пролетарское происхождение, а при неимении такового – демонстрировать свою «пролетарскость» через ношение костюма, язык, манеры поведения. В моду вошли кожаные куртки, галифе, юнгштурмовки и кеппи. Пролетарскую идентичность дополняли мат и жаргон, грубая речь. В вузовской среде слово «товарищ» стало вытеснять дореволюционное обращение «коллега». Чтобы не быть обвиненными в низкопоклонстве и заподозренными в социально-чуждом происхождении, студенты не должны были обращаться к преподавателям по имени и отчеству. «В новом пространстве человек со старыми культурными навыками чувствовал себя неуютно, все сразу становилось каким-то чужим, в то время как носители нового дискурса чувствовали себя хозяевами жизни и властителями человеческих судеб», – справедливо отмечает О.Л. Рябченко (с. 82-83).

Во втором разделе книги вниманию читателей предлагается анализ взаимоотношений двух основных студенческих миров – «старого» и «нового» студенчества – как проявление преемственности и разрыва традиций дореволюционной высшей школы. Навязывание гражданам большевистского шаблона мировосприятия приводило к бытованию в обществе упрощенной системы ценностей, что неизбежно вело к разграничению «своих» и «чужих», диктовало необходимость постоянных поисков «врагов», в том числе и в студенческой среде. Автор уточняет свою трактовку оппозиции «свой»/«чужой», выходя за рамки исключительно классового понимания этой дихотомии. О.Л. Рябченко отмечает, что лексема «враг» в течение всего исследуемого периода употреблялась чаще всего для определения «чужих», это был обобщенный образ всех противников социализма. Зато количество и состав этих «врагов» на рубеже десятилетий стали совсем другими: на первый план выходят разного рода оппозиционеры. «Классовые враги» – «кулацкие элементы», буржуазия, т. е. «бывшие люди», – также остались, но их ряды постоянно пополнялись «несогласными» с режимом. Поэтому «кулаком» мог стать крестьянин-бедняк, а «злейшим врагом народа» – пролетарий в третьем поколении и даже комсомолец или партиец. «Свой» тотчас превращался в «чужого», стоило только ему усомниться в верности решений партии. «Чужими» легко могли стать студенты, которых отличала от общественности активная самостоятельная жизненная позиция (с. 122).

Ольга Рябченко перечисляет и описывает несколько типичных стратегий, которые использовались «бывшими людьми» с целью получения высшего образования: активная поддержка власти, изменение прошлого, сокрытие прошлого. Эти стратегии по существу являлись стратегиями выживания. Во многом они совпадали с жизненными стратегиями многих дворян в раннесоветском обществе, которые в основном заключались в интенсивной территориальной мобильности по направлению «периферия-центр» и «периферия-периферия», в «убегании от власти». В противовес стратегии достижения «новых людей», направленной на вхождение в институты власти, «бывшие» стремились как можно дальше дистанцироваться от нее. Массовые внутренние миграции и индустриализация помогали «бывшим» затеряться на просторах огромной страны. Вместе с тем, стратегия выживания значительной части студентов из «бывших» включала искренние поведенческие устремления интегрироваться в советское общество, найти свое место в новой жизни. Однако власть зачастую даже не пыталась поверить в их благонамеренность.

В течение исследуемого О.Л. Рябченко периода обобщающим образом всех противников социализма – и «социально-чуждых», и оппозиционеров, и людей с собственным мировоззрением – был образ «врага». Против таких врагов направлялись всевозможные «чистки» студенческого состава. В то же время автор видит главное назначение перерегистраций и «чисток» не только в исключении «социально враждебных элементов», а в психологическом давлении («моральном прессинге»), в запугивании всех

студентов, независимо от их социального происхождения. Это несколько отличает авторскую интерпретацию «чисток» от трактовок других исследователей, однако трудно не согласиться с О.Л. Рябченко в том, что «чистки» стали для власти надежным способом преодоления открытого сопротивления студентов и воспитания будущих преданных власти строителей нового общества. Перманентные чистки и аресты побудили подавляющее большинство студентов к «активному» конформизму: быть не просто молчаливым наблюдателем, а ярким сторонником политики тоталитарной власти. «Такая позиция способствовала разрушению характерной для общества в прошлом системы ценностей», - заключает автор.

Выявляя и обосновывая субъектность студенческой среды, О.Л. Рябченко останавливается на том, каким образом студенчество посылало вызовы власти – будь то участие в полулегальных организациях, протесты против пролетаризации вузов или нелюбимые оценки власти в устном и письменном «творчестве» студентов (нередко выражавшемся в политических анекдотах, антисоветских надписях на заборах или туалетных стенах). Эта тема естественным образом находит отражение в книге в виде прямой связи между органами политического сыска и студенчеством. Сотрудничество и противостояние между чекистами и студентами получает в настоящее время все большее освещение в литературе, и данное исследование вносит весомый вклад в разработку этой любопытной темы.

Третий раздел посвящен конкретизации и описанию практик академической повседневности. «Мы были странными студентами на странных кафедрах» - этот заголовок параграфа по праву можно считать лейтмотивом учебной повседневности студентов 1920-30-х. В течение исследуемого периода все советские вузы, в том числе и украинские, постигла череда перманентных реформ. Учебно-методическая работа очищалась от «всякого хлама», старые учебные планы и программы сменялись новыми, радикальными. Наряду с материальными лишениями и психологическим давлением эти реформы стали для профессуры тяжелым испытанием. Жизнь учащихся была не легче.

В книге О.Л. Рябченко перед нами предстают образы успешных студентов из «бывших», для которых, как для А. Утевского [3], введенная предметная система обучения стала просто находкой. Она позволяла окончить курс высшей школы за два года и тем самым не только быстрее трудоустроиться, но и избежать «чисток». Но не менее счастливы и цельные натуры из студентов-пролетариев, которые, как Дмитрий из «Небольшой драмы» В. Подмогильного [4], живя фунтом ржаного хлеба в день, имел достаточно воли, чтобы упорно «шлифовать свой не столько бездарный, сколько неумелый и слишком конкретный мозг». На втором курсе он уже выровнялся в науке, на третий год обучения получил стипендию и окончил вуз не последним студентом.

Ольга Рябченко особое место в работе уделяет вузовским инновациям тех лет – бригадно-лабораторному методу, Дальтон-плану, ударничеству, соцсоревнованию и др. Вместе с тем трудно не согласиться с заключением автора о том, что «формально активные методы обучения стали явлением общепризнанным, однако фактически в вузах эта работа продвигалась довольно медленно. Обучение проводилось по старинке, “за исключением небольшого количества лекторов, которые оставив старый метод, находились в периоде “искания” нового”. Все осталось почти без изменений» (с. 239). Этот консервативный традиционализм высшей школы имел и другую сторону. Разрекламированная для пролетарской молодежи «справедливость» по классовому признаку в доступе к образованию для многих из них обернулась «несправедливостью» в институциональном смысле: система высшего образования была не рассчитана на предоставление элементарных знаний и отталкивала малограмотную и неспособную к усвоению дисциплин молодежь. На деле получить высшее образование больше шансов было у тех студентов, которые имели для этого необходимый потенциал, т. е. в основном у выходцев из «бывших». Определенная стабилизация, по мнению Ольги Рябченко, наступила лишь с середины 1930-х, когда в вузы стала приходиться подготовленная молодежь после десятилеток или рабфаков, а также были отменены классовые привилегии при поступлении.

Описывая практики социального взаимодействия студентов и преподавателей, автор отмечает, что профессура вместе со знаниями передавала студентам и свои мировоззренческие установки, нормы морали. Для ограничения такого воздействия

использовались революционные формы и методы преподавания, которые давали возможность уменьшить роль профессора до уровня простого консультанта. В среде студентов методично и целенаправленно насаждался нигилизм по отношению к профессорской корпорации. Но, несмотря на давление, большая часть «старой» элиты продолжала честно работать и отдавать свои знания молодому поколению, способствуя постепенному «перерождению» малосведущих, но заинтересованных в постижении наук студентов. Однако давать однозначную оценку отношениям внутри корпорации, по мнению автора, невозможно – «в новой высшей школе наряду с порядочностью существовала корысть, была в почете и поддерживалась система доносов, отслеживание, как необходимое условие внушения коллективам вузов страха перед государством, перевоспитание их в новом, тоталитарном духе» (с. 282).

Автор посвящает отдельный раздел стандартам и стилю жизни студентов советской Украины довоенного периода. Пожалуй, этот аспект исследования выписан Ольгой Рябченко наиболее колоритно. В книге на огромном материале показана жизнь студентов, которая у подавляющего большинства не была легкой и беззаботной. Государственное обеспечение в 1920–1930-х гг. оставалось чрезвычайно скудным и предполагалось только для «своих». Но нищая повседневность не стала существенным препятствием на пути получения образования для многих молодых людей, которые пришли «завоевывать» высшую школу.

«Вы представляете студенческое общежитие? Небольшая комнатка, а в этой комнате – 40 будущих специалистов. Все они в один лад: звали, читали, пели и кричали. В воздухе пахло: портянками, луком и селедками. Это необходимые химикаты студенческого общежития», - читаем мы в эпиграфе к третьему параграфу. Общежитие – одно из основных мест досуга студентов, который наряду с другими сферами их жизни находился под пристальным идеологическим контролем. Новая идеология формировала соответствующий тип студента, извлеченный автором из воспоминаний современников: «Что для нас важнее: комсомол или?.. Конечно, футбол, но признаться в этом мы не могли. Нельзя! Думай, что угодно, а говори, что нужно. Практически с пеленок мы жили в казарме и так прониклись казарменным духом, что в себе его не чувствовали ... » (с. 359). По меткому выражению О.Л. Рябченко, студенческая жизнь имела свой «фасад» и «черный ход». «На поверхности – огромные портреты Сталина, флаги и лозунги, театрализованные и спортивные шоу под звуки маршей на гигантских стадионах и центральных площадях или улицах городов – наглядное воплощение «счастливого» и «обеспеченного» жизни чрезвычайно благодарной молодежи. <...> И все же серьезная реальность нередко заставляла хотя бы задуматься над контрастами, над странными, непонятными, трагическими событиями, которые происходили ежедневно, над несоответствием лозунгов и повседневных проблем растерянных, вечно голодных, психологически подавленных людей» (с. 372).

Квинтэссенцией всего исследования являются «контуры основных типов студентов», которые очерчивает автор в заключение своей работы. Эта «контурная» типология представляется мне одним из самых сильных мест в монографии. Автор дифференцирует студенчество не по традиционному социально-классовому типу, а, скорее, по типу жизненных стратегий. Ольга Рябченко выделяет «новых студентов», среди которых были не только слепые исполнители воли партии, комсомольские и партийные карьеристы. В этот ряд вписались и выходцы с «социально-враждебной» среды, внимание к происхождению которых уже не акцентировалось властями. К «другой категории студентов» она относит талантливую и сознательную молодежь, которая искренне верила в «светлое будущее», личным участием поддерживала все кампании власти, упорно «грызла» гранит науки. Среди них встречались выходцы как из бывших социальных низов, так и привилегированных классов, как коммунисты и комсомольцы, так и беспартийные. В советской действительности такие студенты нередко квалифицировались как «чужие», становились объектами для критики, чисток и репрессий. Наиболее распространенным типом студента той эпохи стал, по мнению автора, конформист, который пытался вести незаметную жизнь, не вмешиваться ни во что, не разоблачать «врагов» в своей среде, но и не мешать делать это другим, созерцать «чистки» профессорско-преподавательского состава и студентов, голосуя исключительно «за» во время таких процессов. «В повседневную жизнь прочно входил компромисс как нормальный способ выстраивания отношений с собой,

окружающими и государством. Однако и он не всегда был спасением от политического давления и моральной экзекуции», - справедливо заключает автор.

Прекрасный язык, легкий стиль письма являются неоспоримым украшением монографии О.Л. Рябченко. К этому можно добавить аккуратный «женский» стиль исполнения работы. Чудные, порой не сразу понятные по смыслу поэтические строки эпиграфов предваряют каждый параграф, каждую главу. Многочисленные и качественные фотоснимки, карты, диаграммы и в целом художественное оформление делают книгу привлекательной в полиграфическом исполнении.

В качестве замечаний можно указать на отсутствие методологического блока во введении, описания исследовательской «лаборатории» автора. Не всегда содержание четко соответствует заявленному названию параграфа – настолько многослойный, полиаспектный материал, что автору, очевидно, не без труда пришлось распределять его по разным логическим «ячейкам» (например, тема питания студентов в параграфах 4.1 и 4.2, тема одежды в 1.2 и др.). На мой взгляд, значительную часть из списка литературы, являющуюся синхронными изданиями, правомернее было бы отнести к источникам. Не всегда выдержан баланс между описанием 1920-х и 1930-х, хотя следует признать, что автору удалось многое в реконструкции малоисследованной вузовской жизни в 30-е годы. Слабо представлена зарубежная историография за исключением двух известных работ Ш. Фицпатрик [5] (правда, автор относит к категории зарубежных и российских историков, что расширяет этот блок историографического обзора). Вероятно, более обстоятельное изложение 1-2 микроисторических сюжета из жизни студенчества (даже в виде отдельных параграфов) акцентировало бы описание повседневности «снизу» и «изнутри». Как в целом по тексту, так и в отдельных деталях работы «украинский» контекст, бесспорно, довлеет, что логично вытекает из темы работы. Однако для российского читателя (вероятно, не только российского) было бы интересно больше узнать об украинской специфике вузовской жизни, отличалась ли она чем-то от повседневности российских вузов, или советский «тоталитаризм» нивелировал национальную самобытность и местный колорит. Иногда это проскальзывает в тексте, но системного ответа на этот вопрос в книге нет. К тому же некоторые примеры (мемуары В. Богдан) относятся к российским вузам. Очевидно, сравнения украинских и союзных/российских показателей в многочисленных таблицах только бы добавили «плюсов» работе.

В целом же книга производит самое благоприятное впечатление, и хотелось бы поздравить автора с замечательным научным трудом, а научное сообщество – с новым вкладом в историографию советского периода. Надеюсь, что этой книгой тема студенчества для О.Л. Рябченко не исчерпана, и мы еще увидим ее новые открытия вузовской повседневности. А этой монографии желаю найти путь и к российскому читателю, что станет более реальным после издания ее на русском языке.

Примечания:

1. *Рябченко О.Л.* Очерки из жизни украинского студенчества (1920-е годы) // Эпоха. Культуры. Люди: (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы). Харьков, 2004. С. 267–285; *Её же.* Реконструкція студентської повсякденності 1920-х років: джерельні пріоритети // Історіографічні дослідження в Україні. К., 2008. Вип. 19. С. 378–392; *Её же.* Студентство у символічному просторі міста радянської України (1920-ті рр.) // Етнічна історія народів Європи: Збірник наукових праць. К. 2009. Вип. 28. С. 22–31; *Её же.* Сміховий контекст студентської повсякденності // Нариси повсякденного життя Радянської України в добу НЕПу (1921–1928 рр.): кол. моногр.: в 2 ч. / відп. ред. С.В. Кульчицький. К., 2010. Ч. 2. С. 126–150; *Её же.* «Исключить как социально-непригодный элемент»: Стратегии выживания представителей «социально- чуждых» в высших учебных заведениях (1920-е годы) // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы межд. науч. конф. Смоленск, 9–11 окт. 2009 г. М., 2011. С. 546–555 и др.

2. *Платова Е.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. 1917–1927 гг. СПб., 2001; *Марков А.* Что значит быть студентом. М., 2005; *Квакин А.В., Постников Е.С.* Завоевание высшей школы. Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917– конец 1930-х годов). М., 2009; *Лаврут О.О.* Студентство

радянської України в 20-ті роки ХХ ст.: дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2004; Прилуцький В.І. Матеріально-побутові умови життя студентства Радянської України 1920-х рр. // УІЖ. 2008. № 3. С.86–101; Рожков А. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2002.

3. Утевский А.М. Начало пути: из книги «Высшая школа. Путь исследования и исследование пути» // Universitates = Университеты. Х., 2005. № 3. С. 63–75.

4. Підмогильний В. Невеличка драма // Досвід кохання і критика чистого розуму. Валер'ян Підмогильний: тексти і конфлікт інтерпретацій. К., 2003. С.21–244.

5. Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 368 p.; Eadem. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65, № 4. P. 745–770.

УДК 94

**«МЫ БЫЛИ СТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ НА СТРАННЫХ
КАФЕДРАХ»: Рецензия на монографию Рябченко О.Л.
Студенты советской Украины 1920-1930-х годов: практики
повседневности и конфликты идентификации. Харьков :
Харьк. нац. акад. город. хоз-ва, 2012. 456 с. ISBN 978-966-695-
238-0 (на укр. яз.)**

Александр Юрьевич Рожков

Кубанский государственный университет, Россия
доктор исторических наук, профессор